

Павла Логачева

Бузулук моего детства и юности (приблизительно с 1901 по 1917 гг.)

Павла Александровна Логачева родилась в феврале 1899 года, а ушла из жизни в 1994 году.

Дворянка по происхождению, она, закончив женскую гимназию, почти всю жизнь проработала учителем начальных классов. Давая ученикам своим знания, Павла Александровна большое внимание уделяла вопросам общего воспитания. Она была человеком высокой культуры, прекрасно разбиралась в искусстве, а еще она очень любила Россию, свой родной город. Человек, обладавший необыкновенной притягательной силой доброго, чистого душой светлого человека, она всегда стремилась быть полезной людям, поэтому многие бузулучане до сих пор любят и помнят ее.

Незадолго до смерти П. А. Логачева передала музею свои уникальные воспоминания о нашем городе. Они как «живая память» будут напоминать о тех, кто когда-то жил и созидал в Бузулуке.

Когда я вспоминаю свой городок, каким он был раньше, во времена моего детства и юности, то он представляется мне всегда залитым ярким степным солнцем, была ли то зима, весна или лето. Люди, живущие в нем, вспоминаются мне приветливыми и веселыми. Вероятно, это потому, что в нем прошла лучшая пора моей жизни — детство и юность.

А лето в Бузулуке действительно бывало знойное, и в полуденное время все жители закрывали ставни и спасались от жары в темных комнатах, даже собаки и куры прятались в тени. Люди, и то редкие, ходили только по теневой стороне. Все живое с нетерпением ждало вечерней прохлады. Вечером же любили посидеть на улице на крылечках или скамеечках (особенно женщины), потолковать с соседями и погрызть семечки. Одна из моих теток называла семечки «бузулукским разговором». Ночью очень многие спали во дворах или в сараях. Окна и дверь во двор в доме оставляли открытыми, а на улицу закрывали и запирали ворота. Если же спали в доме, то и на улицу оставляли окна открытыми.

Жуликов почти не было, в дома не лазали, разве чужая кошка залезет и напугает спящих. Обкрадывали, правда, церкви, и то редко. Сторожа, охраняя спящий город, ходили по улицам и били в свои колотушки.

Деревьев в городе было мало. На улицах они совсем не росли, только вокруг церквей в оградах было зелено да кое-где во дворах росла преимущественно сирень и изредка желтая акация и тополь. Почему-то существовало мнение, что фруктовые деревья расти в нашей местности не могут, может быть из-за поливки, ведь водопроводов тогда еще не было, колодезная же вода была не всегда пригодна для поливки.

Помню я Бузулук лет 80 тому назад. Был он тогда маленьким и по сведениям церковного календаря за 1903 год в нем числилось всего 15 тысяч жителей. У улиц тогда не было названий, то есть они может быть и были, но настоящими именами их не называли, а они имели как бы прозвища. Наша мама была «нездешняя» и потому получала письма от своих родных и знакомых, а адрес у нее был простой: «г. Бузулук Самарской губернии, Ее высокоблагородию (так полагалось писать) Екатерине Николаевне Скарятинной, собственный дом», или писалась фамилия домовладельца. Если адресат жил на квартире, то почтальон-старичок Грошев, единственный

почтальон на весь город, находил нужного адресата. Он же разносил и телеграммы. Видимо, не так много корреспонденции поступало в наш город.

Нашу улицу называли «Большой». Она была центральной и только одна была целиком мощеная диким камнем-булыжником. Потом ее стали называть Самарской (теперь она ул. М. Горького), а Большой долго называли ту, на которой были расположены магазины и которую впоследствии назвали Оренбургской. За углом у нас была улица Струновая, потому что по ней был проведен первый телеграф от здания почты (где теперь милиция) к станции железной дороги, отстоящей от города, как тогда говорили, в двух верстах, и тянулись провода — «струны». У этой улицы была мощена только одна сторона дороги. Так же наполовину была вымощена и Оренбургская улица. По мощеной стороне улицы ездили только осенью и весной, когда была грязь, а по немощеной летом, чтобы мягче было ступать лошадям. Осенью или после дождя по немощеным улицам почти невозможно было проехать: лошадь и экипаж так крепко застревали, что с большим трудом и мучением бились часами, чтобы вылезти из нашего чернозема.

Позднее улицы получили названия. С востока на запад тянулись улицы: Овражная (ныне ул. Рожкова); севернее ее Петропавловская, потому что в конце ее стояла церковь в честь святых Петра и Павла. Одно время она называлась ул. Сухачева, потом Кооперативной, а теперь она Комсомольская; дальше ул. Уфимская (позднее Осоавиахимовская), а теперь ул. Отакара Яроша; за ней Самарская, теперь ул. М. Горького; потом ул. Дворянская, на которой было несколько домов дворян-помещиков (Дементьевых, Племянникова, Кашкарова, Жданова, Ковзан и др.), ныне это ул. 1 Мая; за ней коротенькая ул. Заводская, в конце которой было два кирпичных завода (фамилий владельцев я не знаю). Эта улица и теперь так называется. За ней в несколько домиков ул. Ново-Заводская, сейчас она Пионерская. С юга на север шли улицы: Набережная у реки Самары, ныне она ул. Серго, до этого она называлась ул. Кутякова; ул. Кладбищенская, а позднее Льва Толстого — она сохранила свое название и теперь. Дальше шла ул. Уральская, сейчас ул. им. Куйбышева; за ней ул. Почтовая — теперь Октябрьская; ул. Купеческая, а потом ее назвали Театральной, так как на углу этой улицы и ул. Дворянской был театр, который сгорел в тридцатых годах уже при Советской власти, ныне это ул. Кирова; за ней ул. Оренбургская — потом Красноармейская и позднее ул. Ленина; за ней была ул. Базарная, на которой был тогда базар, ныне это ул. Чапаева, потому что на ней жил Чапаев, когда его часть стояла в Бузулуке; за ней шла ул. Ярмарочная, упирающаяся на юге в Петропавловскую церковь, около которой два раза в год собирались ярмарки, ныне это ул. Галактионова, потому что на ней в доме № 1 жил комиссар А. П. Галактионов; ул. Слободская, потом она называлась Пролетарская, а теперь ул. Пушкина; за ней была Цыганская улица, теперь Рабочая; за ней на запад от города был расположен выгон и последняя коротенькая ул. Полевая — теперь Казанская.

Бывало, если встанешь на перекрестке, то можно было видеть окрестности Бузулука со всех четырех сторон света. Так прямы были его улицы. Старый Бузулук расположен на ровной местности, только несколько возвышалась Самарская улица, и окрестности его разнообразны и красивы. Это мнение не только мое, но и многих приезжих. С юга от города шло поле-выгон, на котором в некотором отдалении, вдоль Суходола, стояли амбары с трехэтажные дома, наполненные хлебом, принадлежащие купцам-хлеботорговцам, засевающим в соседних степных селах по несколько сотен десятин земли пшеницы на своих «вечных» землях. Мимо амбаров тянулось шоссе, вымощенное булыжником и огороженное столбиками, прямо к железнодорожному поселку, состоящему из трех коротеньких улиц-линий: I-й, II-й, III-й. Налево, около города, на юго-востоке виднелось городское кладбище, а за ним большая паровая мельница братьев Чемодуровых, сзади которой протекала река Бузулук, впадающая недалеко в Самару. Дальше за мельницей на реке Бузулук стояла станционная водокачка, а за ней был мост через реку. Мост этот каждую весну в разлив снимался, а потом

строился кое-как, так что по нему страшно было ездить. На той стороне реки Бузулук было поле, где пасли коров. Дальше поля засеивались пшеницей с массой васильков и ромашек в ней. За полями, восточнее на реке Самаре была «Квасиха» — любимое место рыбаков. На Квасихе же был большой яблоневый сад женского монастыря, обрабатывали который монашки-садовницы. За мостом же вдоль реки Бузулук тянулись дачи. Первая — Георгия Кузьмича Прохорова — члена суда, за ней дача Стружинского (кто он был, не помню), потом — земского начальника Зимнинского, с большим фруктовым садом. Они жили на даче и летом, и зимой. (Дочь Зимнинского Елизавета Владимировна служила в гимназии классной дамой). Дальше в дубовой роще была дача купцов Киселевых с массой светлячков, которые, как маленькие огоньки, светились по ночам. Дальше шли дачи купцов Матвеева, Татаринцева и других, а за ними городская управа нарезала участки (в 1906-1907 гг.) и сдавала под дачи на 22 года, с тем, чтобы эти участки были засажены фруктовыми деревьями и кустарниками. Здесь были дачи Жоголева, учителя-пенсионера Алексея Ивановича Гиляровского, у которого сын в Москве был знаменитым врачом-психиатром. Затем была дача монастырского священника Машновского, за ней дача купца-татарина Гимранова, у которого каждое лето жил учитель реального училища Ц. А. Черепанов с семьей. Потом шла наша дача, за ней — священника Никольской церкви Василия Ильича Невского. На его даче ближе к воротам был построен домик учителя Осипа Степановича Меркулова. Потом шла дача баптистского священника, хорошего огородника Янченко. Потом дача ветеринарного врача Петрова Александра Сергеевича, за ней дачи служащих Аргасова и Анпилогова около самого железнодорожного моста. За мостом же были дачи татарина Валея Вагановича Валиева, который сдавал домики на лето горожанам. Валейка, как его называли в городе, был человек очень богатый. Он скупал по уезду за бесценок всякий утиль и куда-то отправлял его. Кроме того, он был ростовщиком, то есть ссужал деньги под большие проценты.

С запада Бузулука был выгон и далеко, до самого горизонта, тянулась степь и была видна железная дорога, ведущая в город Самару. На северо-западе виднелся знаменитый Бузулукский бор — наш заслон от степных среднеазиатских суховеев. На севере бор сливался с лесом. За Дворянской и Заводской улицами проходила река Домашка. Весной в каждом году она наполнялась вровень с берегами, летом усыхала и была сажени 3-4 шириной. Через нее был построен хороший деревянный мост в конце Базарной улицы. За Домашкой были тихоновские луга. Там весной разливались реки Самара и Домашка и стояло сплошное море воды. А бабушкина сестра (тетя Зоя) рассказывала, что когда она была молоденькая, на месте тихоновских лугов был лес. Они жили тогда на Дворянской улице (где садик №2) и мать посылала их, девочек, летом набирать на полянках этого леса полевою клубнику, а братья бабушки охотились в этом лесу на дичь. Тихоновские луга были дивно хороши! В них трава была выше пояса взрослому человеку, а мы, дети, прятались в ней с головой. В лугах этих целое лето было множество цветов и я не помню, чтобы их косили. Весной они были все желтые от табака (местное название диких тюльпанов), летом рос душистый горошек, белая пушистая кашка (таволга), крупные и мелкие колокольчики, ромашки, дикая розовая мальва, лиловый шкорник, лютики и другие цветы. Запах их при северном ветре доносился до Дворянской улицы. За тихоновскими лугами по самому берегу реки Самары тянулась широкая песчанная полоса. Городская управа сдавала это место под бахчи. Отец наш их снимал. На этой заливной песчаной полосе рождались крупные и сладкие арбузы и дыни, а тыквы были величиной с колесо. Я помню говорили, что больше трех тыкв на телегу не помещалось. Урожай были необыкновенные, так что, несмотря на то, что у нас семьи и домочадцев доходило до десяти человек едоков, излишки еще продавали на базаре, а арбузы солили на зиму. На северо-востоке река Домашка впадала в реку Самару. Самара была тогда порядочной рекой и обозначалась на географических картах. Говорили, что она была 27 сажень ширины, а чтобы

измерить ее глубину «связывали двое вожжей и не доставали дна». На север и восток от реки Самары был преимущественно дубовый лес и тянулся он до самых отрогов Уральских гор, которые зовутся у нас Сухореченскими горами по селу Сухоречка, расположенному на них в семи верстах от города. Сколько цветов, сколько грибов росло на его полянах! Весной лиловые и белые подснежники с мохнатой ножкой (сон-трава), ветреница, черемуха, ландыши, жимолость и другие цветы и кусты наполняли ароматом воздух. Сколько птичек порхало и пело в лесу! Чтобы попасть в этот лес и на горы из города, надо было идти по Уфимской улице, по замощенной булыжником дамбе, огороженной крашеными столбиками. Через реку Самару был перекинут постоянный деревянный мост с четырьмя арками. Внизу у моста стояли огромные острые деревянные быки-ледорезы. При въезде на мост на верху крайних арок прибиты были железные листы со словами «Боже, царя храни». Мы удивлялись, почему написано «Боже, царя храни», надо бы написать «Боже, нас храни» и сердце сжималось от страха. Я думала, что по мосту опасно было ездить. Но отец нам объяснил, что когда он был совсем молодым, по этой дороге проезжал наследник, будущий царь Николай II, когда путешествовал по России на лошадях (железной дороги у нас еще не было) и ехал из Уральска на Бугуруслан по так называемой «большой дороге». Тогда всю дорогу на Сухореченской горе вплоть до бора обсаживали с двух сторон березками. Мне привелось видеть штук 5-6 этих уже старых, корявых и дуплистых берез в 1913-1915 годах, когда я проезжала по этой дороге. От моста через Самару прямо тянулась дамба и поднималась на Сухореченскую гору. Эта была так называемая «старая дамба», новая же прямо за мостом поворачивала влево на север и вела через Синещекое озеро к мужскому монастырю, раскинувшемуся в горах среди леса. Издали, из города, было очень красиво смотреть на красный кирпичный монастырь с белой отделкой, на высокую колокольню с часами, на домики для монашеских келей и поодаль, пониже, на дома для приезжих. Монастырь был окружен лесом. Три больших двухэтажных дома монахи сдавали под дачи горожанам или приезжающим.

В горах были вырыты пещеры с длинными ходами-коридорами и туда ходили желающие со свечами в руках. Говорили, что в некоторых из них жили схимники, а в глубокую старину — разбойник Иван Кольцо с товарищами. Вход в пещеру был с Иосафатовой долины. Вокруг монастырской церкви был цветник, где росли кусты белых и розовых пионов и огненно-красные «царские кудри». Под монастырской горой было несколько ключей холодной, чистой и вкусной воды. В одном месте стояла часовенка с обделанным колодцем. Горожане, идя в лес, брали всегда с собой чайники или котелки для этой воды. Вода ручейками сбегала в реку Самару и озерки.

Если идти дальше вдоль гор за монастырь, то придешь в малаканские сады. Яблок в этих садах было очень много и хозяева возили их возами продавать на базар. Между дамбой и горами в лесу было несколько озер. Самое большое из них — Синещекое, у берегов заросшее белыми лилиями и желтыми кувшинками. Через Синещекое был проложен постоянный мост. Тут была дорога на деревни Елховку и Воронцовку. За озером этим часть дамбы сворачивала на восток и шла в гору на большую Бугурусланскую дорогу. Эти лесные озера и озерки — старицы реки Самары. Весной разливы реки были очень широки. Нередко вода выходила из берегов и разливалась сплошным морем от города до гор, заливая даже низкие места ул. Набережной, часть Чарадского сада и Кузнечный поселок. И среди этого моря белой змеей тянулась дамба. Горожане любили в это время ходить на дамбу и любоваться разливом. Вода наполняла и старицы, а когда спадала, в озерах и ямах ловили много рыбы. Самара была вообще рыбной рекой. В ней ловили от мелкой рыбы, такой как плотва, ерши, окуни, язи, красноперки, голавли и другой мелочи до крупных старых щук, сомов, налимов. Самара была рекой омутистой со многими водоворотами и в ней ежегодно тонули неосторожные купальщики. Да и до сих пор во время разлива она берет дань утопленниками.

Верстах в 5-6-ти на север располагалось Каютино озеро. Оно было большое, почти круглое, обрамленное по берегам кустарниками, окруженное лесом. С берегов в его воду смотрелись голубые незабудки, коричневые «кувшинкины слезки» и желтые купавки, а у берегов плавали белые лилии и желтые кувшинки. Недалеко от него было озеро Желтое, сплошь покрытое желтыми бутылочками кувшинок. На этих и других озерах водилось много дичи, и городские охотники, в том числе и мой отец, привозили оттуда и куликов, и диких уток, и вальдшнепов, и глухарей, и тетеревов. А один раз отец с товарищами охотились где-то далеко в степи и он привез дрофу (помнится мне, что кучер называл ее «дудак»). Сделаю маленькое отступление от детства: в 1920 году ехала я в одно из степных сел, где работала учительницей и увидела налево от дороги озеро, видимо оставшееся от разлива реки, и на нем сплошь плавали, взмахивая крыльями, белые птицы. Оно, как говорят, «кипело» от них. Крестьянин, который вез меня, сказал, что это стая гусей села отдохнуть по пути на север. В это время все охотники были на гражданской войне и птице было привольно.

Но вернемся в город. Старый Бузулук, городок моего детства, был почти весь деревянный с одноэтажными маленькими домиками в три и, редко, в пять окон. Каменных двухэтажных домов можно было насчитать штук 30-40, не больше, поэтому город часто горел. Летом пожары были частые и сильные, особенно при ветрах или пыльных бурях от наших знаменитых суховеев из Средней Азии.

Боролись с этими пожарами так: в каждом дворе должна была стоять кадка или две с водой на первый случай. На некоторых перекрестках улиц стояли огромные чаны с водой. Чаны эти занимали почти весь перекресток и были высокие, чтобы в них не могли утонуть ребята или пьяные взрослые.

При городской управе был пожарный сарай (он и теперь там), в котором всегда стояли запряженные лошади с бочками воды. Над самой городской управой была высокая каланча, где сидел дежурный пожарник, следящий, не загорелось ли где в городе. Тогда он звонил в колокол «сполох» и вывешивал черные шары, а ночью фонари, один или два, показывая этим в какой части горит (город был разделен на две части). Из сарая выезжали на лошадях пожарники в блестящих касках с бочками, баграми и лестницами, окрашенными в красный цвет, и мчались во весь опор на место пожара.

Когда же вода в бочках кончалась, ее брали из чанов, стоящих на перекрестках улиц. Если же и этой воды не хватало, то пожарники мчались на реку Самару. Конечно, пожар их не ждал и выгорали целые кварталы, а то и несколько. Люди боялись пожаров и некоторые летом спали не раздеваясь. Чтобы было меньше пожаров, на лето «запечатывались» бани на дворах. Тогда не было городских общественных бань или как их называли «торговых». Они появились приблизительно в 1906-1908 годах, когда в городе уже был водопровод. Первая городская баня была открыта на ул. Набережной, а вторую на Заводской улице открыл Штукатуров (она существует и поныне). В этих банях часто угорали, так как отапливались они дровами и хозяева спешили закрыть пораньше трубы, чтобы сохранить побольше тепла. Тогда почти при каждом доме была баня. У некоторых, особенно в центре, бани были деревянные и топились «по-белому», то есть в них была печь с трубой и теплый предбанник, где одевались и раздевались. Но на окраинах города, где жил народ победнее, бани топились «по-черному», то есть труб не было и дым шел прямо в открытую дверь. Каменки в банях раскалялись так, что стены от них загорались.

Иногда пожары делали пьяные или мальчишки, курившие потихоньку в сараях с мусором или на сеновалах. А сеновалы были в каждом доме, потому что почти у всех были коровы да нередко и лошади. Лошади были необходимы, потому что водопровода еще не было и за водой с бочками на лошадях ездили на Самару. Наполняли бочки специальными черпаками с длинной ручкой, и бочка всегда стояла

среди двора. Иногда приходилось ездить за водой и не один раз, если была стирка или топили баню. Во многих дворах были колодцы, но вода в них была большей частью жесткая и непригодная для питья. Были тогда и специальные люди — водовозы, которые тем и жили, что развозили воду по домам. Но это обходилось дорого (бочка стоила не меньше пятака, а то и гривенник). Водопровод начали проводить только в 1903-1905 годах (как мне помнится), и на перекрестках поставили деревянные будки, где будочницы продавали воду на «марки», то есть металлические квадратики, на которых было выдавлено количество ведер. Опустить марку будочнице в щелочку и она нальет столько ведер, сколько их выбито на марке. Марки продавались в городской управе, на копейку давали 10 ведер.

Ветры и сильные бури летом были почти каждый день, так как юго-восточные суховеи дули в городе, имеющем прямые улицы и не имеющем защитных деревьев и больших зданий, свободно. Пыльные бури были такие, что в двух шагах ничего не было видно. Жители скорее закрывали окна, чтобы не разбилось стекла, а калитки и ворота, чтобы не оторвались. Не дай Бог оказаться в это время на улице — насыплет пыли и в глаза, и в рот, и в уши, и за воротник. Часто по улицам крутятся двигались вихри, поднимая столбом и пыль, и бумажки. Мы, дети, верили, что если бросить ножик острием в самую середину вихря, то на нем будет кровь черта. Середины улиц были пыльные, вытоптанные скотиной, а на обочинах росла трава. Тротуары только в центре города были вымощены кирпичом или большими каменными плитами, а на окраинах были совсем немощены или изредка были положены 2-3 доски. В городе было 3 стада коров, и утром, и особенно вечером, они поднимали такую пыль, что, если смотреть на город с Сухореченской горы, то весь Бузулук был окутан пылью, как серой вуалью.

Ночью город освещался керосиновыми фонарями. В центре города фонари стояли на каждом углу, а окраины тонули во тьме. Были специальные фонарщики, которые ходили с лесенкой и вечером зажигали, а утром гасили фонари. Автобусов тогда в городе не было, все ходили пешком, а если надо было ехать далеко, например, на станцию, то нанимали извозчиков (за 20 копеек), которые стояли на углу улиц Самарской и Базарной напротив мучной лавки Ефремовых. Были извозчики дневные и ночные, были еще грузовые или «ломовые». Эти стояли у Петропавловской церкви «на бирже». Все извозчики были частниками.

Во времена моего детства в городе Бузулуке были следующие учреждения: городская управа на углу улиц Почтовой и Уфимской в двухэтажном белом каменном доме; земская управа — на углу улиц Дворянской и Оренбургской; суд (где не помню, но кажется на углу улиц Набережной и Петропавловской в доме Серебренникова); казначейство — на Уральской улице, в красном двухэтажном доме (где теперь живут семьи военных); почтовое отделение — на Самарской улице (где теперь милиция); полиция с тюрьмой — на Базарной улице; городская и земская больница с приемным покоем — в начале Дворянской улицы (где и теперь); аптека — (где была редакция газеты «Под знаменем Ленина», ныне — «Российская провинция») на Уфимской улице, а еще раньше на Дворянской улице; дворянская опека и воинское присутствие — на Самарской улице, в доме Карпова. В этом же доме, но по Оренбургской улице были номера Бурмистрова (где Л. Н. Толстого, по словам его сына Сергея Львовича, заели клопы, когда они приезжали в Бузулук на ярмарку из своего имения близ села Покровка); внизу номеров была кухмистерская Бельских.

Городская управа ведала всеми делами города, во главе ее стоял городской голова, выбираемый по имущественному цензу. Долго был головой Фрол Николаевич Улькин, а перед революцией Федор Севостьянович Никитин. Земская управа во главе с председателем, тоже избранным по имущественному цензу (на моей памяти были Александр Андреевич Иванов и последние 9 лет Евграф

Андреевич Жданов), ведала делами уезда, который был обширный и в который, если я не ошибаюсь, входило 52 волости.

Он простирался на восток, захватывая Ново-Сергиевскую волость, за которой шла уже Оренбургская губерния (мы были тогда Самарской губернией). На западе крайней волостью была Алексеевская с волостным селом Алексеевкой или Землянками (теперь она входит в Самарскую область). На севере граница шла так же, как и теперь и граничила с Бугурусланским уездом Самарской губернии. На юге входило село Гаршино за которым шли «казачьи пределы», то есть Уральская область.

Казначейство ведало финансами, банков тогда еще не было, Купеческий банк открылся позднее. На Базарной улице против лавочек и базара (базар был где теперь Ленинский сад) в белом каменном двухэтажном доме было полицейское отделение «с каталажкой» в углу 1-го этажа, куда сажали пьяных и мелких хулиганов. Для более же серьезных преступников была тюрьма в следующем от полиции квартале (ближе к Дворянской улице) в двухэтажном каменном доме. (Слышала я от своей бабушки, что во времена ее молодости был там дворянский клуб и она ездила туда танцевать). Дворянская опека ведала делами дворян и помещиков, а воинское присутствие — делами новобранцев и вообще воинскими делами. На углу Самарской и Уральской улиц находилась богадельня для безродных стариков и старух. Она существовала на городские средства и пожертвования состоятельных людей. Особенно много жертвовали сюда продуктами (мукой, крупой, яйцами и прочим) к праздникам — Рождеству и Пасхе. Для сирот имелся «Дом трудолюбия» (рядом с казначейством на Уральской улице), где мальчики обучались сапожному и портняжному делу. Больница в начале Дворянской улицы состояла из пяти отдельных домиков, здесь же был и приемный покой.

Смотрителем больницы был Макар Матвеевич Петров, жил он при больнице в маленьком домике во дворе. В больнице было несколько врачей: терапевт Сергей Станиславович Загорский славился как хороший диагност. Его помощниками были фельдшера: Тиминский Игнатий Дмитриевич и Мартынов Михаил Дмитриевич, который по своим знаниям не уступал врачу. Вяльбут Витольд Казимирович был врачом-инфекционистом. Умер он еще сравнительно нестарым от дифтерии, заразившись от девочки, которой вдвухвал в горло через трубочку нужное лекарство (так тогда лечили дифтерию). Детским врачом (после Вяльбута) был Гецов Осип Наумович, чрезвычайно добрый и отзывчивый человек, его все любили. К бедным он ходил, когда его приглашали на дом, пешком и никогда не брал с них деньги. Жена его, Лаура Осиповна, была частным зубным врачом. Вторым частным врачом был дантист Клебанов. Был еще городской врач Иван Алексеевич Болтунов, но он авторитетом не пользовался. Жена его, Александра Марковна, была гинекологом и гимназическим врачом. После нее врачом-гинекологом был ссыльный эсер и вначале революции скрылся. Перед революцией же и в первые ее годы был здесь знаменитый врач — хирург Крестовский Всеволод Владимирович, тоже сосланный эсер. Были в последнее время врачи: Архангельский Владимир Александрович и Рындин, но они не считались хорошими. Врач же Архангельский Валентин Александрович — венеролог — считался хорошим врачом.

Жизнь в городке моего детства катилась тихо и мирно. Дрались только «горькие» пьяницы, они учиняли домашние скандалы и били своих жен и детей.

Мужчины с утра уходили на работу, учащиеся в школы, а малыши и их матери оставались дома. Женщины тогда не работали, а занимались домашним хозяйством и следили за детьми. Женщины работали только учительницами в школах, да у швей-хозяек мастерицами. Первой женщиной поступившей работать в канцелярию была наша мама. Она была в Земской управе машинисткой, печатавшей на машинке «Ремингтон». Второй машинисткой поступила в городскую управу Клавдия Прохоровна Максимова.

В учреждениях работали с 8-ми часов утра до 2-х часов дня, иногда ходили и вечером. В неделю работали все 6 дней, а в воскресенье отдыхали и ходили в церковь к обедне. В субботу же вечером, после бани, ходили ко всенощной. Кроме воскресений было в году еще 12 церковных праздников (дванадцатых) и два царских дня (именины государя и государыни). На Рождество и на Пасху не работали по 3 дня. К этим праздникам служащим выдавали двойное жалование. Отпусков, как теперь, не полагалось. Отпуска брали только по уважительным причинам.

Сначала в городе было 3 церкви и на юго-восточной окраине города женский монастырь, да в горах мужской монастырь. Главной церковью был собор — большая каменная церковь в центре города на площади, вымощенной камнем (против теперешнего педучилища, где Ленинский садик). Собор начинал утренний и вечерний звон. За ним звон подхватывали все остальные церкви. Собор был в честь святой Троицы и площадь называлась Троицкой. Был у собора с южной стороны придел в честь святого Архангела Михаила. Протоиереем в соборе был отец Николай Богоявленский, а до этого Александр Васильевич Тихомиров (наш прадед), который был похоронен в церковной ограде около алтаря с северной стороны (теперь в Ленинском садике). Священниками в соборе были два двоюродных брата Пиксановы Константин Кононович и Николай Иванович. «Конныча» все любили. Он был добродушный, простой человек и любил выпить. Николай же Иванович славился своею строгостью, но, между прочим, в революцию он расстригся. На Самарской же улице была и вторая каменная пятиглавая церковь — Николаевская или, как в городе ее звали, Никольская. Служил в ней долгое время священник Василий Петрович Афонский, а потом Невский Василий Ильич.

Третья церковь была в юго-западной части города в честь святых Петра и Павла на Петропавловской улице. Эта церковь была небольшая, деревянная, по преданию построенная тогда, когда Бузулук был еще крепостью, и стояла она тогда на месте собора. Потом, приблизительно в 1902-1903 годах (я чуть помню) купец Федор Федорович Красиков (говорили, что он был миллионером) выстроил в конце Самарской улицы (где теперь завод Куйбышева) церковь в честь святого Александра Невского. Народ стал называть эту церковь просто «Невской». Одно время, уже близко к революции, в ней был дьяконом некто Грекулов, обладающий громким красивым басом, раздававшимся даже в ограде, когда он служил. Он организовал прекрасный хор в этой церкви, и все любители пения ходили его слушать, особенно по большим праздникам. В самом начале революции он выступал на концертах, а потом уехал в Казань в Воскресенскую церковь. Говорят, что и там церковь была переполнена из-за его хора. Купцы братья Киселевы в одно время с Красиковым построили маленькую церковь на кладбище, где постоянной службы не было, в ней отпевали покойников. Эта церковь действует и теперь и ее настоятель отец Анатолий Аухимик в последние годы очень расширил и украсил ее. В женском монастыре было две церкви летняя и зимняя с отоплением. Служба в них проходила по сезонам. Весь женский монастырь был обнесен высокой каменной стеной, за которой находились дома с кельями для монашек и дом настоятельницы или игуменьи, а южнее этого дома было небольшое монастырское кладбище, с южной стороны примыкающее к городскому православному кладбищу. При входе в монастырь была выстроена большая колокольня с синим куполом, усыпанным золотыми звездами, а золотой крест, венчавший купол, украшен золотой цепью.

На городском кладбище было много памятников: чугунных, гранитных и особенно красивых белых, серых и черных мраморных в виде крестов, колонн и ангелов в различных позах. На могилах было много цветов, горели неугасимые лампы. Это были могилы богатых или более или менее состоятельных людей, а также и местных помещиков. Много было на кладбищах красивых чугунных оград и часовенок — (все это разрушили в первые годы революции). У простых людей

были деревянные кресты, окрашенные белой и, реже, цветной краской. Южнее православного кладбища было католическое с кирхою-часовней, построенной на средства местных поляков-богачей, таких, как помещик Ковзан, провизор Радзевич Цитольд Адамович и других, куда по праздникам приезжал из Самары ксенз для исправления богослужения. За католическим было еврейское кладбище. Теперь все эти кладбища слились вместе. Последним было кладбище магометанское, существующее и теперь.

Самое старое кладбище, когда Бузулук был еще крепостью, было на Дворянской улице. Когда вели по этой улице водопровод, то наткнулись на старые дубовые гробы. Мы, будучи гимназистками, бегали туда смотреть. Это было против бывшего театра и дома Иванова.

В 1908-1910 годах городской техник Василий Иванович Крюков построил церковь в станционном поселке (позже в ней была спортшкола). Церковь эта стояла на окраине поселка и была видна от города с Овражной улицы.

В городе было несколько городских начальных школ с трехлетним обучением и церковно-приходских для мальчиков и девочек отдельно. Были смешанные и два пятиклассных городских училища: мужское и женское. Мужское было на Дворянской улице около больницы в каменном двухэтажном доме и заведовал им Казимиров Николай Васильевич. Женское училище было в одноэтажном каменном здании на Базарной улице (теперь «продленка») и заведовала им Мария Николаевна Воронихина. Кто же хотел дать своим детям среднее образование, отправлял их в Самару — наш губернский город или, реже, в Оренбург. Дети там жили или у родных, или у знакомых на квартирах.

В 1901 году в Бузулуке открыли женскую гимназию (сначала она была прогимназия). Для нее выстроили красивое здание (где теперь педучилище). Начальницей гимназии была Варвара Васильевна Биберштейн. В первый класс гимназии поступали после трех классов училища по экзаменам: по русскому языку, арифметике и закону Божьему. Плата за правоученье была 40 рублей в год. Мальчиков продолжали возить в Самару, пока в 1906 году купец Иван Федорович Красиков не открыл частное реальное училище на углу Базарной и Самарской улиц в доме Старикова во втором этаже (в этом доме в последнее время помещалась воинская часть, теперь он снесен). До 1910-1913 годов многие школы ютились в непригодных или частных домах, а потому для них город построил новые удобные здания: на Почтовой улице им. Н. В. Гоголя, заведующим был назначен Гусаров Алексей Павлович, на улице Набережной в Доме быта — школа имени 19 февраля. Заведовала ей Козырская Валентина Николаевна. В конце Петропавловской улицы — школа «Романовская», ею заведовал Кандалинский Рафаил Николаевич. На Полевой улице выстроили школу им. Ломоносова, заведовал ею Константинов Иван Павлович, и на одном дворе с ней церковно-приходскую школу.

В 1910 году построили большое, красивое и удобное здание казенного реального училища на углу Уфимской и Оренбургской улиц (теперь школа №). Директором в нем был Вишневецкий Гурий Матвеевич. Он же преподавал в женской гимназии методику арифметики по составленной и изданной им самим книге.

Для культурного досуга в городе имелась земская библиотека. Сначала она была маленькая, всего с несколькими десятками книг, и помещалась в домике около Земской управы (где затем было РайОНО) и заведовала ею Козырская Мария Афанасьевна — вдова бухгалтера Земской управы. Человек она была малообразованный и совершенно некомпетентный в этом деле. Потом библиотека расширилась, в ней стало несколько тысяч книг и заведовать стал Подольский Степан Хрисанфович, окончивший учительскую семинарию, бывший учитель Грачевской школы, а помощницей его стала Улькина Мария Фроловна (дочь бывшего городского головы). Библиотека была переведена в другое здание по Оренбургской улице, тоже рядом с Земской

управой, и состояла уже из четырех комнат, из которых три были заняты книгами, одна комната служила для выдачи книг и пятая была читальным залом с газетами и журналами на столах. Зал каждый день был полон народу.

В 1908 году Земская управа перешла в другое здание (через дорогу) в бывший дом помещика Ковзана и открыла в нижнем этаже «склад», торговавший учебниками, письменными принадлежностями и художественными открытками.

Был в Бузулуке чугунолитейный завод Никитина Федора Севастьяновича (где теперь завод Кирова), был винный склад (где теперь винзавод), были два кирпичных завода (не знаю чьи) в северо-западной части города и несколько маленьких заводов мыловаренных и кожевенных за городом на берегу Самары. Был еще свечной завод Требухиных и производство фруктовых вод Кулакова, где теперь дом санитарного просвещения.

Было в городе несколько паровых мельниц. Самая большая из них — мельница братьев Чемодуровых (теперь мельзавод) вырабатывала несколько сортов муки (интересно, что все их служащие и рабочие пользовались мукой бесплатно. Это говорила мне Зинаида Докучаева, отец которой был доверенным у Чемодуровых). Туркина мельница стояла на Ярмарочной (Галактионовой) улице. Мельница Беловых была на выезде из города с западной стороны (улица Мичурина), а мельница Ефремова помещалась на Оренбургской улице (внук Ефремова — Олег — заслуженный артист и режиссер МХАТа. Его мы часто видим по телевизору).

Были в городе и мастерские. Одна из них (по теперешней Рабочей улице) находилась около церкви Александра Невского. Здание это сохранилось и теперь: оно налево от главного входа в завод им. Куйбышева. Говорили, что в старину это была пересыльная тюрьма и стояла она вдаль от города. Портные, сапожники, кузнецы, шорники, точильщики и другие были частниками. Точильщики ходили по городу с точилом за спиной и кричали: «Точить ножи, ножницы!».

Город Бузулук был торговым городом. В том квартале, где стоял собор была базарная площадь. Здесь велась главная торговля города. Почти в середине квартала стоял кирпичный желтый корпус с дверями на южную сторону (это самое старое здание на базаре, теперь оно находится во дворе перчаточной фабрики), и рядом лавок в нем с «красным товаром» Крюкова, Кулюкина, Татаринцева, Гумянских и других. Здесь торговали ситцем, сатином, сарпункой, бязью и другими материями для рубашек и платьев, а для брюк и штанов — «шведской материей» и «чертовой кожей». Эти дешевые товары покупали преимущественно крестьяне.

Напротив стояли два больших каменных магазина (тоже теперь во дворе перчаточной фабрики) с такой дорогой мануфактурой, как полотно, шелк, бархат, сукно, драп, трико, батист, маркизен и другое. В них же можно было купить и дешевые материи. Это были магазины Дудина и Камязина Ивана Дмитриевича. Тут же недалеко, лицом на Базарную улицу, была лавка с фуражками и шапками купца Транцева. За лавкой этой по Базарной улице (против полиции) стояли лавчонки с дегтем, веревками, керосином, комовой солью для скотины, лопатами и прочими необходимыми товарами для крестьянского обихода. Около соборной ограды лицом к середине квартала шел ряд лавчонок, где женщины-торговки продавали зимой семечки, сушеные фрукты и клюкву, а летом яблоки, ягоду: малину, вишню, черную и красную смородину, крыжовник.

Около собора на Оренбургской улице стояли две лавки с лубочными картинками, дешевыми книжечками («Шерлок Холмс», «Ник Картер», «Нат Пинкертон», «Бова Королевич», со сказками и рассказами), снимательными и наклейными картинками, карандашами, красками, ручками, перьями, чернилами, грифельными досками и грифелями, тетрадами и прочими учебными принадлежностями, а также яркими деревянными игрушками, дешевыми куклами и кукольными головками (туловище шили сами дома). Это были лавки Дронского и «Грека» — черного человека, которого

никто не называл по фамилии. В этом же квартале по Уфимской улице было три деревянные мясные лавки: Саблиных, Долматова и Николаева и две рыбные лавки Нахалова и Карева. Мясо и рыба в лавках всегда были свежие. Мясо было разных сортов: задний ссек, филей, грудинка и другое. Задняя часть продавалась от 14 до 18 копеек за фунт, а передняя 7-12 копеек. Рыба продавалась свежая и соленая, причем кроме мелкой речной рыбы и шук часто можно было купить сомятину, осетрину, севрюжину, семгу. Копченая или вяленая вобла и лещи были всегда. Здесь же можно было купить балык, кету, селедку нескольких сортов и изредка «копчушки» в плетеных из лубка коробочках. В середине квартала по понедельникам и пятницам были базары. Крестьяне из сел привозили свои продукты. Здесь же у лавок с «красным товаром» был толчок, где шла торговля всяким старьем. На другой стороне Оренбургской улицы тянулся ряд магазинов. Здания эти сохранились до сих пор. На углу, где теперь кинотеатр «Победа», был винно-колониальный (гастрономический) магазин Карпова Спиридона Григорьевича. В нем продавались вина разных марок, шоколадные конфеты разных сортов, карамель, мармелад, всевозможные орехи, несколько сортов колбас и сыра (голландский, швейцарский, сливочный и другие). Икра черная и зернистая, разные консервы из рыбы, чай, сахар (песок, колотый, головами) и прочие товары. Напротив на другом углу (где был Союз охотников) был магазин Коншиных. В нем были товары попроще: дешевые конфеты, «фамильный» и фруктовый чай, сахар, помадка, сладкие рожки (2 копейки фунт), «постный сахар», леденцы, маковки, деревенские пряники «жамка», белые с розовой полоской сушки, спички, дешевые папиросы, свежие «дрожжи» (так было написано на вывеске) и даже керосин. Дальше шел аптекарский магазин с лекарствами и духами Нечаева и Петрова, за ним кондитерская Гильдебрандта с вкусным миндальным печеньем, разнообразными пирожными (3 копейки), вафлями, тортами (все на настоящем сливочном масле), тянучками двух сортов (сливочными и шоколадными), плюшками, сайками, французскими булками. Все было свежее и душистое. Магазины были маленькие и пекли только на 1-2 дня. Затем шла «мучная торговля» Зотова (лавка в одно окно) с мукой I и II сорта (по 1 рублю и 80 копеек за пуд), крупчаткой, вальцовкой, простым размолом и разными крупами. За Зотовым была дверь в кинотеатр «Триумф», находившийся на втором этаже, внизу же был магазин Гимранова с галантереей. Здесь продавались иголки и нитки для шитья, вязания и вышивания, шерстяные и МДС (красных, синих и черных цветов), булавки простые и английские, а также заколки для шляп, пуговицы всяких цветов, форм и размеров, канва, гарус, ирис, синелька всех цветов, тюль, гипюр, кружева всякие: обыкновенные, французские, брюссельские, шелковые и русские плетеные, шитье-крой и прошивка; различные воротнички: мужские, дамские, детские; галстуки, носовые батистовые платки, головные — ситцевые, батистовые, шерстяные и пуховые, ленты всех цветов и ширины, перчатки, зонтики от дождя и от солнца, чулки шелковые дамские и бумажные детские, носки мужские, гребенки, расчески, ножницы, наперстки, тесьма и шнурки всех цветов и назначения и другие товары. За Гимрановым шел магазин Новикова с иконами и посудой: чайной и столовой, штучной и сервизами. Потом магазин Лаврентьевой тоже с галантереей, но победнее Гимранова, а дальше был универсальный магазин вдовы Киселевой с сыновьями (сейчас в нем универмаг). Чего только там не продавалось. Как войдешь, в зале стояли огромные столы с застекленным верхом с образцами конфет всевозможных сортов: шоколадные бомбы и шарики (от 5 до 50 копеек) в серебряной обертке с каким-нибудь сюрпризом внутри (колечко, брошка, сережки и прочее), в дорогих были даже маленькие игрушки: собачки, кошечки, куколки, утята, цыплята и прочее. Лежали разноцветные шоколадные плитки в слюде с картинками. Дальше шли весовые шоколадные конфеты: зеленоватый миньон, «таблер» с орехами, продавали заливные орехи, грильяж, соломку, зефир розовый и белый, пастилу палочками и другое. Конфеты можно было купить весом или в красивых красочных коробках. В этом же отделе продавали мятные, шоколадные,

медовые пряники, особенно красивые с картинками на елку. Были и орехи: кедровые, грецкие, воложские, китайские (арахис), крымские. В этом же отделе продавались различные крупы: манная, гречневая, рис, саго, вязига, овсяная крупа, сорочинская полба и прочее. Здесь же можно было купить чай нескольких сортов, сахар всех видов, кофе, какао, фисташки, миндаль и пряности: перец, горчицу, сою, уксусную эссенцию, корицу, гвоздику, шафран, кардамон и другое.

Во втором отделе были медные, никелированные и серебряные самовары, чайная и столовая посуда, фарфоровая и фаянсовая. В третьем отделе продавались серебряные столовые и чайные ложки, ножи, вилки, солоницы, лампадки, крестики золотые и серебряные, кольца, брошки, медальоны, кулоны и другое. Рядом стояли иконы в серебряных вызолоченных ризах, а также в дешевых фольговых. В четвертом отделе продавались хозяйственные товары: ведра, корыта цинковые, краски масляные, обои, кисти и прочее, а также и мебель: столы, стулья венские, кровати, комоды, буфеты и прочее и, наконец, музыкальные инструменты: балалайки, гитары, мандалины, гармони. (Приказчики Киселевых пользовались льготами: они все товары покупали по себестоимости, то есть за ту цену, которую платил купец, покупая товары оптом, а не за ту, что платили покупатели).

Сделаю маленькое отступление. Как-то в начале 30-х годов сидели мы у магазина Комбарова на Первомайской улице и ждали, когда привезут в магазин сахар. Сидели с вечера, а чтобы не заснуть, вспоминали старое время и старых купцов. Одни их ругали, другие хвалили. И вот одна женщина, уже пожилая, сказала: «Не все купцы были одинаковы. Вот я служила у Марии Николаевны Киселевой горничной и выходила замуж за их же кучера. Так хозяйка дала мне в приданное перину, два одеяла, две подушки, платья после барышен, 6 чашек и чайник с сахарницей, а жениху дали годовалую телку и сена на зиму». Всем, кто брал у Киселевых по «заборной» книжке (то есть брал бесплатно товары, которые записывали в заборную книжку, до получения жалования), к Новому году присылали в подарок отрывные календари с красивыми картинками.

Дальше за Киселевыми был магазин Лугового с готовым платьем, то есть шубами, пальто, костюмами. За Луговым был магазин с галантереей братьев Матульских с более изящными товарами, чем у Гимрановых. Там же была в задней комнате мастерская дамских шляп. Потом шла «потребилровка», то есть магазин для членов потребительского общества. В нем тоже брали товары по книжке, но продукты были на копейку или две дешевле, чем в прочих магазинах. Потом был маленький часовой магазин «Женева». Там же можно было отдать часы в починку. Дальше — магазин Матвеева. В нем с одной стороны продавали обувь, а с другой готовую одежду и головные уборы. На углу улиц Оренбургской и Уфимской была бакалейная лавка Хижновых. Через дорогу на следующем углу (где недавно была почта) был обувной магазин Крепляк, а через несколько домов от него по Уфимской улице была маленькая, но очень нужная лавочка Цивинского, где продавали всегда свежие дрожжи, ведь раньше хлеб пекли дома. В городе было еще несколько лавок, главным образом на окраинах. Было несколько булочных с белым калачом (5 и 6 копеек за фунт), французскими булками (5 копеек штука), слойками (3 копейки), подковками (2 копейки), московскими калачами (2 копейки), маленькими французскими булочками «жуликами» (по 1 копейке) и маленькими булочками по 1/2 копейки. Их называли «громовыми». Было в городе 2 сушечных Лопатина и Алексеева с баранками, сушками с маком или тмином и маленькими сдобными сушечками. На Самарской улице было два магазина с «железным товаром» Степанова и Геннадия Васильевича Лаптева. В них продавалось кровельное железо, пилы, топоры, колуны, ведра, лопаты, тазы, молотки, косы, серпы, гвозди всех размеров и другое.

На Самарской же улице была колбасная. Сначала была маленькая Гвоздева (бывало,ходишь в лавку, а хозяев нет, но услышав звонок, прикрепленный к двери,

хозяин или хозяйка выходят из задней двери, где была их квартира), а потом большая Филатова. И каких только не было в ней колбас. Они лежали на прилавке и висели, подвешенными к потолку. Колбаса была вареная (25 копеек фунт), копченая (45 копеек фунт), польская, ветчинная, какая-то с ливером в середине и другие. Были и окорока, и корейка. Запах в магазине был чудный, аппетитный. В определенные часы можно было купить еще горячую, свежую вареную колбасу и сосиски. В городе было два фруктовых подвала. Один под магазином Коншиных, другой — Раимова под магазином Гимранова (он есть и сейчас, только в нем продают овощи). Торговали в нем татары лимонами, апельсинами, мандаринами, гранатами, виноградом, среднеазиатскими дынями, свежими и сушеными, яблоками, сливами, грушами, а зимой сушеными фруктами: изюмом, коринкой, сабзой, кишмишем, курагой, урюком, черносливом, обыкновенным и французским, винными ягодами, финиками, а также и всякими орехами. Водкой торговали в «казенках» (22 копейки полбутылка) бутылками, полбутылками и шкаликами. В конце Самарской улицы, недалеко от Невской церкви, было два магазина Куликовых, где продавались гробы всяких размеров и расцветок, покрытые бархатом, глазетом и попроще, крашенные масляной краской. Там же продавали фарфоровые и жестяные венки; памятники, кресты и все другое, что надо для похорон.

Рано утром по улицам ходили палимовские, сухореченские, новоалександровские женщины и кричали: «Молока не надо ли! Молока!». Летом же кроме этого раздавалось: «Клубника, спелая клубника!», «Малина, сладкая малина!». Так же продавали «столбунцы» и «козлятки», а весной щавель.

Кроме базара среди города был еще дальний или «тот» базар за городом у Петропавловской церкви (где он и сейчас). Особенно много продуктов продавали на «том» базаре осенью. Сюда крестьяне привозили муку, пшено, гречневую крупу, горох, подсолнечник, конопляное семя, бочки с подсолнечным маслом, мясо тушками (говядину, баранину, свинину) и живую скотину и птицу: кур, гусей, уток, индеек. Осенью тянулись ряды возов с яблоками, арбузами, тыквами и дынями, привезенными из «казачьих приделов». Возы тянулись до самого Суходола. Были здесь и молочные продукты: молоко, масло топленое и сливочное, сметана в жбанах, творог, кислое молоко, простое и откидное. Продавали яички. Сзади базара тянулись возы с сеном и дровами. Приблизительно в 1909-1910 годах базар среди города был ликвидирован и остался только один за городом. Базарные дни были понедельник и пятница.

На юго-запад от города и Александро-Невской церкви (где теперь Народная улица) был третий, так называемый «щепной» базар. Там продавались дрова, жерди, бревна, колеса, бочки, кадки, корыта, топорщица, деревянные лопаты и деревянная посуда: ложки раскрашенные и белые, солоницы, чашки, а также лубок, мочало, веревки и даже срубы целых домов.

Каждый год в Бузулуке было две ярмарки: Петровская 29 июня (старый стиль) и Покровская 1 октября (старый стиль). Петровская ярмарка была «скотская». Продавали лошадей, верблюдов, коров, быков, овец, свиней. Особенно большая была конская ярмарка. На нее съезжались крестьяне из соседних деревень и уездов. Были здесь русские, мордва, чуваша, башкиры, казахи. Конечно, в обязательном порядке присутствовали и цыгане. Покровская же ярмарка была яркая, шумная и веселая. Приезжали две карусели, балаган с «Петрушкой», строились лавчонки, в которых продавалась всякая мелочь, детские игрушки и залежавшийся товар. «Любая вещь 5 копеек» было написано на них. Около этих лавчонок всегда стояла толпа народа: толпились мальчишки, покупая ружья, револьверы и пистоны к ним, девчонки за куклами и девушки за платками, лентами, кружевами и прочим. В других лавчонках продавались сласти: леденцовые петушки, пряники, халва, пастила, помадка и редкости для Бузулука — вяземские и тульские пряники с цукатами, нуга и приторно-сладкая косхалва: белая и розовая с фисташками. Все эти «дикувинки»

можно было купить только раз в году на Покровскую ярмарку. Кругом кричали, смеялись, стреляли из детских пистолетов, гремела музыка на каруселях, кричал «Петрушка» на крыше балагана. Выезжали, конечно, и наши купцы со своими залежалыми товарами: остатками материи, обувью, шапками и прочим. На ярмарке можно было купить все дешевле, чем обыкновенно. Продолжалась ярмарка 3 дня.

Были в Бузулуке и места, где можно было развлечься вечерами. Был театр — на углу улиц Дворянской и Театральной или Купеческой. Сначала говорили, что он был любительский. В нем играли местные врачи, учителя и прочая интеллигенция, а при мне стали приезжать настоящие артисты-профессионалы с антрепренером во главе. Зимний сезон продолжался с 1 сентября до Великого поста, когда кончались всякие увеселительные предприятия. На летний сезон приезжала уже другая труппа и играли в общественном саду на берегу Самары. Там был построен летний театр.

В саду были аллеи, в центре перед театром был «круг», где были две большие клумбы с цветами и фонтаном, а кругом скамейки. Скамейки были и в аллеях. Около театра была построена «раковина» (ротонда), где каждый вечер играл духовой оркестр. Бузулучане любили гулять в общественном саду по главной аллее.

Кроме сада в городе было два клуба: дворянский (на углу Уфимской и Базарной улиц) и всесословный (где теперь эпидемическая больница, то есть угол Комсомольской и Октябрьской улиц). В них, главным образом зимой, танцевали, играли в карты, лото, домино и шашки.

В 1911 году появился первый кинематограф или, как его тогда называли, «биоскоп». Он находился на втором этаже дома по Оренбургской улице над магазином Гимранова (где теперь лесхоз-техникум). Принадлежал он Ивану Дмитриевичу Камязину и назывался «Триумф». Камязину же принадлежала и маленькая электростанция, находящаяся на Оренбургской улице около его дома. Картины в биоскопе шли немые, сопровождаемые музыкой. Сначала тапером в «Триумфе» была Мария Викторовна Племянникова, а потом красавец Тевс — предмет «обожания» всех девиц и девчонок. Вскоре нотариус Александр Павлович Нечаев открыл второй кинематограф в доме Быковских над их магазином (в том доме теперь Дом культуры «Машиностроитель») и назвал его «Грезы».

Так как учащимся (реалистам и гимназисткам) в клубы запрещалось ходить, а в кино и театр только на разрешенные вещи, то молодежь каждый вечер осенью и зимой устраивала гулянья на Большой улице до 8 часов вечера, то есть гуляли вдоль освещенных окон магазинов по Оренбургской улице от угла до угла. Здесь шутили, смеялись, острили (но не громко), иногда знакомились (считалось не совсем приличным знакомиться на улице) и было очень весело. Вели себя благопристойно, то есть не кричали, не выражались скверными словами, мальчики не курили, не ходили «под ручку» с девочками, так как это считалось неприличным. По «Большой» всегда могли пройти дежурные классные дамы из гимназии или классные наставники из реального училища.

Особенно весело проводили раньше праздники, а учащиеся еще и каникулы. Любимым зимним праздником было Рождество. Накануне этого праздника отпускали учеников на две недели зимних каникул с 24 декабря по 7 января (старый стиль). В школах, гимназии и реальном училище устраивались елки для младших классов. Елки устраивались и в некоторых частных домах, но удовольствие это было довольно дорогое, так как в конце елки приглашенным детям раздавались мешочки с гостинцами. Для старших учащихся устраивались вечера, причем каждая гимназистка могла пригласить одного человека — брата или знакомого реалиста и наоборот. Вход был строго по билетам. Без билетов никто не приходил.

На вечерах танцевали, играли в фанты, в «третий лишний», в «цветочный флирт» и другие игры. Зал и 2-3 класса украшали, делали «зимний сад», «морское дно», «врусскомвкусе» и другое. А на благотворительных вечерах, например, в пользу бедных

студентов устраивались киоски, в которых продавали фруктовую воду, мороженое, открытки. Разрешали устраивать и лотереи. Нередко в начале вечера разыгрывалась какая-нибудь одноактовая пьеса или сценка, или ставили «живые картины», освещая их разноцветными бенгальскими огнями. Темы брали из классических произведений, например, сцену «В корчме» из «Бориса Годунова» и другие. Делали и тематические вечера в честь какого-нибудь писателя или исторического события. Помню был вечер в честь А. В. Кольцова в день его юбилея, в честь Бородинской битвы в 1812 году и в честь трехсотлетия дома Романовых в 1913 году. Последние два вечера проводили гимназия совместно с реальным училищем и хор был общий.

После трех дней праздника Рождества начинались святки. Они продолжались до 6 января. В эти дни и вечера работать было грех. Вечерами играли в карты и лото, грызли орехи и семечки. Собирались друг у друга, наряжались в импровизированные костюмы, надевали маски и ходили по знакомым домам. Это называлось «ряженные пришли». Ряженные пели, плясали, смеялись, шутили, острили. Хозяева старались узнать ряженных под масками, угощали пряниками, орехами, конфетами. На святках также гадали.

Гаданья были самые разнообразные: жгли бумагу и смотрели на тень пепла (узнавали, что ожидает в этом году), бросали через ворота калошу или валенок (в какой стороне жених живет), подслушивали у окон или в церковный замок (что ожидает), спрашивали у встречных имя (как жениха будет звать), ловили кур и смотрели во что клюнет: если в щепку — разбогатеешь, если в уголь — будешь бедный, если в кольцо — замуж выйдешь, если будет пить воду — муж пьяница будет и тому подобное. Смотрели в стакан с водой, на дне которого лежало обручальное кольцо. Но самым верным и страшным гаданием было смотреть в два зеркала, поставленные одно против другого, между которыми ставились две зажженные свечи. В полученном светлом коридоре должен был появиться жених. Гадать полагалось в бане, в одной сорочке с распущенными волосами и обязательно в 12 часов ночи. Словом, веселились кто как мог и умел. В последний день каникул был праздник Крещение. Все ходили утром в церковь к обедне, а после нее «на Иордань». Впереди несли иконы и хоругви, потом шли священники в белых ризах, за ними народ. Подходили к берегу реки Самары, во льду была сделана прорубь, а над ней часовня изо льда с крестами по углам. Здесь молились, после чего священник опускал крест в прорубь и вода считалась святой. В это время стреляли из ружей и выпускали белого голубя, а смельчаки раздетыми окунались в воду. Потом их завертывали в шубы и скорее везли домой. Люди брали из проруби святую воду и шли домой. Дома этой водой кропили комнаты, сарай со скотиной, а часть оставляли. Вода считалась святой и целебной. На следующий день в учебных заведениях начинались занятия. На масленицу учеников отпускали на последние 4 дня недели. На этом празднике устраивали катанья. В Бузулукском уезде было много помещиков и богатых хуторян. Помещики были хотя и «прогоревшие», но все же имели в городе дома, хотя жили в деревнях и держали хороших лошадей. Они приезжали на масленицу в город и устраивали катанья по Самарской улице из одного конца в другой. Днем обыкновенно катались потихоньку дети, а вечером часов с четырех — пяти выезжали взрослые. Лошади были украшены красивой сбруей с набором и кистями, а тройки еще и бубенцами. Некоторые на рысаках в легких городских санках или на дрожках устраивали «гонки» по Дворянской улице, где было просторнее. Особенно отличался красавец Малкиенко Георгий Николаевич в синей русской поддевке с красным кушаком и высокой белой папахе. Он ездил отчаянно и всех обгонял. Все горожане выходили на улицу, гуляли по тротуарам и любовались этим красивым зрелищем. Дома полагалось каждый день, начиная со вторника, печь блины пшеничные, пшеничные, гречневые, манные, а в последний день сдобные блинцы. Их ели с маслом, сметаной, икрой и селедкой. В эти дни ходили в гости «на блинцы». В последнее «прощенное» воскресенье люди ходили в гости

к родственникам, старикам и просили у них прощения. Дети и домочадцы просили прощения у старших в доме. Некоторые кланялись в ноги и говорили: «Простите, Христа ради», а им отвечали: «Бог простит». После масленицы начинался Великий пост, продолжавшийся 7 недель. В первый день поста ходили в баню и день этот назывался «чистый понедельник». Постом прекращались всякие развлечения, клубы закрывались, театр тоже. Колокола в церкви звонили редко и уныло, призывая всех, начиная с семи лет, поговеть и покаяться в грехах. И все 7 недель полагалось есть постное, то есть нельзя было есть мясо, яйца и молочные продукты. Правда, некоторые ели постное не весь пост, а только ту неделю, на которой говели. Вся гимназия говела на шестой неделе. Говеющие ели постное и два раза в день ходили в церковь: утром к заутрене и обедне и вечером к вечерне. В пятницу исповедовались, то есть каялись священнику в грехах, сделанных за год, после чего не ели ничего до следующего утра, а в субботу за обедней причащались, учеников после шестой недели отпускали на весенние каникулы на две недели. После Великого поста начинался праздник Пасхи. Он считался самым великим христианским праздником. Накануне праздника в 12 часов ночи начиналась пасхальная заутреня. Купола всех церквей украшали разноцветными фонариками, внизу на церковных оградах горели плошки с паклей, пропитанной смолой. Ровно в 12 часов ударял самый большой колокол собора — бум-м-м-м! За ним звонили радостно колокола во всех церквях и начиналась пасхальная заутреня. Церкви ломились от нарядного народа, все стояли с зажженными свечами в руках. Церковь внутри была ярко освещена, все блестело. Священники служили в белых ризах, хор пел «Христос воскрес». По окончании заутрени все расходились по домам с зажженными свечами и садились за стол разговляться после поста. Чего-чего не стояло на столе! Тут был и окорок, и жареный поросенок, и гусь, и телячья нога, колбасы, сыры и прочие закуски. Но самое главное, на столе стояли высокие куличи, сдобные и сладкие, украшенные глазурью и цветами, творожные сладкие пасхи и разноцветные яички в зеленой пшенице. На первый день полагалось делать визиты мужчинам, на второй — женщинам, на третий день ходили семьями к дедушкам и бабушкам, друг к другу. Днем молодежь и дети играли в разные игры и катали яйца. На колокольнях всю неделю был веселый звон, причем звонить мог каждый желающий, и мальчишки бегали звонить из одной церкви в другую. При встречах на Пасху все «христосовались», то есть одни говорили: «Христос воскресе!», а другие отвечали: «Воистину воскресе!» и троекратно целовались и обменивались яичками. Особенно ждали эти христосования «влюбленные» мальчишки и девчонки. Последнее пасхальное воскресенье называлось «Красная горка». В этот день было много свадеб, так как постом венчаться не полагалось. На следующей неделе, которая называлась «Фоминой», во вторник была «Родительская» или «Радоница», то есть день поминовения усопших. Все ходили на кладбище к своим родным и клали на могилу красные яички, насыпали пшена для птичек, а священники на могилах служили панихиды. Через 50 дней после Пасхи был праздник Троицы (два дня). На Троицу украшали комнаты полевыми цветами, по углам ставили березки, на пол набрасывали траву. В этот день девушки ходили в поле, плели венки и бросали их в Самару — гадали.

Всех церковных праздников было в году двенадцать, они назывались двенадцатыми и еще было два «Царских дня» — в дни именин государя и государыни.

В праздники не работали и не учились. Служащим к Рождеству и Пасхе выдавали двойное жалование. В дни этих праздников на улицах попадались пьяные, а «горькие» пьяницы даже валялись на улицах, но людей они не трогали и идти по городу было неопасно даже в «ночь-полночь».

Во времена моего детства по городу ходили дурачки и дурочки. Они вызывали у нас, у маленьких, страх, как и все сверхъестественное. Когда я была совсем маленькой, по городу ходил какой-то Иван Васильевич в темно-желтом дамском пальто и в соломенной шляпе с красными цветами. В руках у него была большая

палка и ходил он почему-то всегда по середине улицы, что тоже было необыкновенно. Потом появилась старушка по прозванию «Слава Богу». И зимой, и летом ходила она в белой кофточке и черной юбке, в белом ситцевом платке и босиком. Ходила и бормотала «Слава Богу! Слава Богу!». Позднее появилась «дурочка-монашка» — довольно высокая, худая, черная женщина, стриженная наголо, ходила она в черном платье вроде монашеской рясы, подпоясанная широким поясом, и с большим белым крестом на груди на крупной цепочке. В руках она носила железную палку-клюку, кружила ее над головой и пела молитвы, иногда она и сама вертелась при этом на одном месте. Мы, дети, ее очень боялись и, если были на улице, убегали во двор, запирали калитку и смотрели в щелку, чтобы убедиться, что она прошла мимо.

Ходила еще по улицам Анна Васильевна «Кудрявая» — вечно растрепанная и грязная женщина. Юбка ее волочилась по земле, она часто пятерней чесала голову, что-то бормотала, разгребая ногой сор. Говорили, что раньше она была богата, но потом всего лишилась, сошла с ума и в сору искала свои деньги. Все эти дурачки и дурочки считались у темных людей «прозорливыми» и чуть ли не святыми. Был еще дурачок — слепой Иван Катериныч. Он жил в богадельне и всегда сидел возле нее. На земле возле него стояла чашка для подаяний и лежала палка, чтобы обороняться от злых мальчишек, отнимавших у него копеечки. Иван Катериныч умел по шагам отличать кто идет: мужчина, женщина или ребенок. Нам казалось это чудом. Идя к своим знакомым Петровым или родственникам Мантуровым мы всегда останавливались около него, мама давала нам «копеечку», мы клали ее в кружку Ивана Катериныча и просили: «Иван Катериныч, как голуби воркуют?» И он складывал руки на груди ворковал: «У-у-у-у! У-у-у!»), при этом кивал головой из стороны в сторону.

Кроме дурачков и дурочек ходили еще по городу нищие, погорельцы, собирающие «на храм» монахи и монашки с кружкой на груди и цыгане. Последних все боялись и считали ворами. Ходили еще по городу китайцы, преимущественно летом. Они были одеты в синие куртки и такие же штаны, на голове синяя шапочка в виде тубетейки, а под ней длинная черная коса. В руках они носили железный аршин, а за плечами тюк. Китайцы заходили во дворы и на ломаном русском языке предлагали свои товары: чесучу, кружевные покрывала на кровати, кулоны, поплиновые блузки: белые, голубые, кремовые и розовые, с шелковой вышивкой, бумажные яркие веера, фонарики. Для детей у них были пакетики с крашеными стружками, из которых при опускании их воду распускались разные фигурки: домики, цветочки, зверушки, веера и прочее. Продавали чертиков в длинных пробирках. Чертик двигался, если открывать или закрывать пробку. Продавали «тещин язык», «уйди-уйди». Говорили про них впоследствии, что они были японские шпионы. Дело было перед войной с Японией 1904-1905 годов.

Еще по улицам ходили шарманщики. Они носили за плечами орган-шарманку на двух ножках. С ними были иногда девочка-певица или мальчик-акробат. Шарманщик входил во двор или останавливался на улице перед окнами, устанавливал шарманку, расстилал коврик, надевал через голову ремень, чтобы шарманка не упала, и начинал играть. Играл он народные песни: «Шумел-горел пожар московский», «Маруся отравилась», «Когда б имел золотые горы», вальс «На сопках Маньчжурии», «Коробейники» и тому подобное. Потом мальчик показывал «номера» или девочка пела. Иногда у шарманщика была обезьянка в красной юбочке или птичка — обезьянка ходила с шапкой и собирала плату, а птичка за дополнительную плату вынимала билетки, записочки из коробочки, на которых было написано предсказание судьбы или «счастье». Помню, когда я была еще совсем маленькая, как мужик водил на цепи медведя. Около мужика с медведем собиралась большая толпа любопытных. Поводырь заставлял медведя показывать, как ребята воруют в поле горох. Медведь вставал на колени и загребал лапой по земле. Или поводырь говорил: «Покажи, Миша, как бабы ходят за водой». Медведь вставал на задние лапы, поводырь давал

ему палку, он клал палку на плечи и ходил переваливаясь. Кончив свои «штучки» медведю давали в лапы шапку и он обходил с ней публику на задних лапах. В шапку клали деньги, кто сколько мог.

Так тихо и мирно жил наш городок в начале века. Люди жили простые, доброжелательные, жалостливые до других, как мне помнится. Кражи, драки, насилия случались редко, как события из ряда вон выходящие. Может быть, так казалось потому, что жили все в своих домах, дети играли на своих дворах и улица нас мало касалась. Семьи тогда были большие, в некоторых было шесть, семь и больше детей, а по пяти было очень часто. Вот, например, на нашей улице в квартале от угла до угла и напротив было всего семь домов. В одном доме жили старик со старухой, а в остальных шести было тридцать три человека детей. У провизора Радзевича — два человека, у хуторян Малютиных — 10, у купца Коншина — 4, у портного Журицкого — 5, у колбасника Гвоздева — 1, у нас — 5, у соседа кузнеца Шаталова — 9. Все ребята «выходили в люди» и делались неплохими работниками, патриотами и хорошими трудолюбивыми семьянинами. Больших требований у людей не было, одевались просто, довольствовались тем, что имели. Нравственные же понятия были высоки. Так что и нам не мешало бы кое-что перенять у нашей старины. Недаром Ленин говорил, что все хорошее старое надо оставить, а плохое переделать на хорошее.

Можно еще немного сказать о помещиках и богатых купцах города Бузулука и его окрестностей.

Вокруг Бузулука, особенно на северо-восток от него, жило много помещиков: Булгаковы, Ковзан (с. Булгаково), Миллер (с. Державино), Сокуровы (д. Луговая), Новосельцевы (с. Ключи), Ждановы (с. Троицкое), Ждамировы (с. Ждамировка), Стобеус (с. Александровка), Племянниковы (с. Покровка), Кошкареры (д. Воронцовка), Поздюнины, Христ (с. Мойка), Бабинцевы (с. Бабинцевка), Обуховы, Роговы (в городе), Дементьевы (с. Дементьевка) и другие. Богатыми считались Сокуровы, Новосельцевы да Миллер, остальные были полуразорившимися, но имели еще немного земли, усадьбы, хороших лошадей и собак — страсть всех русских помещиков. Многие еще жили в деревнях в своих имениях, а дети их жили в городе и работали в учреждениях. Другие, как два брата Ждановы, жили на хуторах близ бывшего своего имения и служили земскими начальниками (Николай Андреевич Жданов имел семь человек детей и в революцию его не тронули, а Павла Андреевича расстреляли). Там же в селе Жданове, теперь Троицком, убили священника Розанова. Говорили, что инициатором убийства был некий Дмитрий Полиевктов, крестьянин села Жданова. Третий брат — Евграф Андреевич Жданов был председателем Земской управы с 1908 по 1917 год и жил постоянно в городе. Один из братьев Племянниковых — Андрей Федорович — был кадровым офицером, а другой брат присяжным поверенным в городе Бузулуке. Жена его Мария Викторовна служила тапершей в кино, а мать их с двумя дочерьми жила в селе Племянникове или Покровке. Так же доживали свой век в деревне двое Кошкарерых (в Подколках и Воронцовке), Бабинцевы в своей Бабинцевке, причем три сестры служили учительницами — одна в городе, а две другие в селе Елшанка. Поздюнины доживали в Карловке, теперь Шахматовке, Дементьевы в Дементьевке. Некоторые разорились совсем и переселились в город работать. Так Христ Вера Николаевна была учительницей, ее сестры Любовь и Надежда работали в канцелярии, Софья в детсадике, две дочери учились в гимназии, а старуха-мать с дочерью Марией и сыном Николаем жили в деревне Мойке и жизнь их почти не отличалась от крестьянской. Можно бы и еще привести несколько таких примеров.

Намного богаче их жили купцы-хлеботорговцы, владевшие сотнями десятин «вечной земли». Такой земли было много на юге и юго-западе уезда.

Самым богатым таким купцом был Шехоталов. У него были земли не только в нашем Бузулуцком уезде, но и в соседних Самарском и Бугурусланском. Много

земли было у Малютиных, у Федора Федоровича Красикова (в революцию крестьяне бросили его в колодезь вместе с женой), который кроме хлеба торговал и скотиной — гонял гурты овец и стада коров вплоть до Москвы. Из юго-западной части уезда между селами Петровкой и Гавриловкой была земля Л. Н. Толстого, семья которого приезжала сюда иногда на кумыс. Здесь у Толстого было много последователей его учения о непротивлении злу из крестьян. Толстой бывал в Бузулуке на Петровской ярмарке и удивлялся ее размерам и «многоязычию». О купцах и помещиках много я узнала от своих подруг-одноклассниц по гимназии. Наша гимназия, если можно так сказать, была всесословной. В ней учились дети помещиков, купцов, служащих, священников, железнодорожных рабочих, мещан и богатых крестьян, а также дети кухарок и кучеров богатых людей. Так купец Степан Герасимович Киселев платил в гимназии за дочь своей кухарки Марусю Калягину за право ученья 40 рублей. Второй брат Киселев Николай Герасимович — за дочь кучера Валю Евстратову. Евгений Андреевич Жданов за дочь кучера — Пану Полякову, помещик Иванов — за Катю Алымову, врач Загорский Сергей Станиславович — за дочь кухарки Вассу Мозанову, которая окончила гимназию с золотой медалью.

Связан наш Бузулук и его уезд и со знаменитыми людьми. Так село Державино некогда принадлежало знаменитому Екатерининскому вельможе и поэту Гавриилу Романовичу Державину. Ему же принадлежали деревни Феклинка, Екатериновка, Гавриловка (названные в честь его родных). Село Карамзинка (ныне Преображенка) принадлежала писателю и первому историку Карамзину Николаю Михайловичу. Говорили, что знаменитая певица Вяльцева была крепостной помещика Стобеуса из Александровки Таллинской волости (где теперь большой конезавод). В нашем городе побывал Пушкин Александр Сергеевич, когда ехал в Оренбург собирать материал для произведения «История Пугачевского бунта». Проездом были поэт и переводчик Жуковский и знаменитый певец Шаляпин Федор Иванович.

Уже при Советской власти побывал здесь Василий Иванович Чапаев и вместе с ним Фурманов (писатель). Оба они жили на Базарной, теперь Чапаевской улице. Во время Великой Отечественной войны 1941-45 годов в Бузулуке формировался чехословацкий батальон во главе с Людвиком Свободой — будущим президентом Чехословацкой республики. К ним приезжал Готвальд и проводил собрание в кинотеатре «Победа». Так же во время войны приезжал сюда Михаил Иванович Калинин. Во время войны сестры К. Е. Ворошилова жили в Бузулуке по ул. Кирова (в бывшем доме купца В. Я. Меркулова). Жена Василия Джугашвилли, сына И. В. Сталина, во время войны жила в бывшем Таллинском монастыре. Жили там семьи и еще некоторых вождей. Бывал в Бузулуке Семашко (первый нарком здравоохранения), когда отбывал ссылку в Самаре. В первые годы революции жил здесь ссыльный эсер, видный хирург Всеволод Владимирович Крестовский, который написал целый ряд научных трудов и произвел впервые в мире несколько оригинальных операций.

Видный психиатр Владимир Алексеевич Гиляровский был родом из Бузулука. Работал он в Москве.

Художник Малявин тоже наш земляк, он родился в селе Казанке Логачевской волости Бузулукского уезда. В революцию он пробрался в Москву и хотел во что бы то ни стало нарисовать портрет Ленина. Мечта его осуществилась.

С приходом 1917 года и революции в городке нашем многое изменилось. Уехала, убежала старая власть, а вместе с ней и богатеи. Появились новые учреждения и люди. По улицам стали ходить солдаты с ружьями, откуда-то появились матросы, увешанные крест-накрест пулеметными лентами. В кобуре у них висел револьвер, а с другой стороны кортик. Люди не понимали сначала, что происходит, боялись матросов. Особенно пугал нас, девчонок, матрос Панасюк своими черными, как смоль, глазами. Казалось он видел все насквозь, читал наши мысли, а мы не понимали, что делается вокруг, так как нас воспитывали вне политики и, даже наоборот, преследовали

тех, кто ею интересовался и старался разобраться. Впоследствии он остался жить в Бузулуке и работал в школе №, говорили, что был милейшим человеком. Он часто ходил к Алексею Петровичу Галактионову, который жил у нас в доме. В честь А. П. Галактионова и была названа наша улица. Словом, в городе началась новая жизнь. Кончилась война с немцами, началась гражданская, а за войнами разруха, голод (в Поволжье), тиф, малярия. Затем все начало приходить постепенно в порядок. Город стал расти, хорошеть, процветать, что видим мы в настоящее время.

1983 г.